

"Я повредил ноги и ступни в ранние годы. Со сменой времен года я чувствую себя все более некомфортно. Моя грудь также иногда пульсирует от боли. Возможно, в ближайшие год-два я уйду на пенсию". Тридцать лет взлетов и падений в чиновничьей среде, но где есть начало, там есть и конец; это старое, измученное сердце все еще может быть утешено. Цинь Тринадцатый тоже недалеко от отставки по старости, как и несколько других стареющих чиновников. Императорскому двору нужны молодые люди, такие как вы, чтобы продолжать поддерживать его".

Линь Янь продолжал почтительно слушать.

"...Лучше действовать более осмотрительно".

После нескольких лет работы Линь Янь утратил былой энтузиазм, в основном из-за того, что у него больше не было человека, который бы его увлекал. Канцлер Ли говорил с ним искренне, как настоящий старейшина, напутствующий младшего, как в свое время наставник Цуй. Линь Янь принял эту ласку и почтительно кивнул.

Линь Янь вдруг спросил: "Могу ли я быть настолько смелым, чтобы спросить больше об этом господине Шэне?"

"Шэнь Цянь, потомок клана Шэнь в Лояне. Он был пятым сыном в семье и занимал пост заместителя министра обрядов, когда произошел инцидент".

Глаза Линь Яня расширились, он медленно кивнул, а затем слегка повернул голову и посмотрел на стойку. Слабый теплый свет отражался в ее красивом лице, которое смотрело вниз; она выглядела спокойной и умиротворенной, перо в ее руке слегка покачивалось, в данный момент она писала.

Линь Янь обернулся, налил канцлеру Ли чашку вина и налил себе еще одну.

Они вдвоем допили кувшин вина, вспоминая прошлые события, и когда выходили из заведения, у великого канцлера Ли подкосились ноги. Линь Янь и его слуга поддерживали его с двух сторон.

Шэнь Шаогуан проводил их вместе с А'Юанем. "Счастливого пути господа".

Линь Янь повернул голову и увидел, что, несмотря на покрасневшие уголки глаз, Шэнь Шаогуан продолжает улыбаться.

Он кивнул ей.

Камердинер и слуги великого канцлера Ли уже ждали у входа в таверну с паланкином, слуги Линь Яня тоже присутствовали и ждали. Линь Янь попрощался с великим канцлером Ли и посмотрел, как паланкин медленно отъезжает.

Линь Янь обернулся, чтобы посмотреть на стройную фигуру под колыхающимися фонарями, а затем медленно пошел обратно в свою резиденцию, слуги тихо следовали за ним.

Когда Линь Янь вошел в дом, его внимание привлек шелест бамбука во внутреннем дворе. Он приказал камергеру Лю Чэну: "Узнайте, не проживал ли в этом переулке за последние десять лет чиновник пятого ранга или выше по фамилии Шэнь".

Лю Чан отдал честь и ответил: "Понял".

Управляющий Чжоу, стоявший рядом с ним, улыбнулся и сказал: "До Фан Бицзя в этой резиденции жил человек по фамилии Шэнь".

Линь Янь остановился и обернулся.

"Давний житель этого переулка как-то упоминал об этом, и этот старый слуга случайно вспомнил", - он понизил голос, - "Похоже, что семья была сослана".

Линь Янь кивнул и продолжил идти. Он зашел во двор к бабушке, свет в ее комнате был выключен, ночная служанка вышла и тихо доложила Линь Яню о повседневных делах старшей госпожи. Ничего необычного не было, она просто ела и спала, поэтому Линь Янь дал несколько указаний и ушел.

"Господин, вы не собираетесь возвращаться в свою комнату?" спросил Лю Чан. Двор Линь Яня находился рядом со двором старейшины госпожи Цзян, поэтому ему было удобно проверять ее, но он шел не в том направлении.

"Я только что поужинал и хочу немного прогуляться. Вы все свободны". приказал Линь Янь.

"Хозяину нужно, чтобы я держал фонарь и освещал путь?"

"Не нужно". Линь Янь взял фонарь из рук Лю Чэна.

Все слуги поклонились и удалились.

Линь Янь медленно подошел к павильону в саду и сел на каменную платформу, чтобы протрезветь.

Сегодня было немного пасмурно, темная ночь была лишена луны. Все цветы и деревья в саду засохли, лишь спутанные ветви и лианы шелестели на ветру; вид был неопишимо мрачный.

Фонарь был вставлен на перила, освещая старые отметины на пурпурном столбе рядом с ним.

Рядом с каждой царапиной были написаны слова: "А'Чжи, три года", "А'Чжи, пять лет", "А'Чжи, шесть лет" и "А'Чжи, восемь лет". Еще две полоски были расположены выше: "А'Чжан, одиннадцать лет" и "А'Чжан, тринадцать лет". Они выглядели небрежно вырезанными, но это не могло скрыть изящного и свободного воздуха внутри.

Линь Янь видел почерк предыдущего жильца, Фан Бицзя. Его почерк был строгим и осторожным, не то что этот.

"А'Цзи..." Линь Янь почти видел эти яркие миндалевидные глаза.

- Когда военный советник Панг стал одним из подданных Лю Бэя, он, должно быть, чувствовал себя очень обиженным. Ведь его хозяин продавал обувь и ткал циновки, зарабатывая на жизнь."

- "Что мне делать, если я столкнусь с подобной ситуацией?"

- "Бить его! Бить до тех пор, пока он не заплачет о своей матери!" злобно сказал Шэнь Шаогуан.

- "Почему? Это те расходы, которые "приемная мать" использовала для воспитания тех девочек! Это как наше блюдо из свинины..."

Кто бы мог подумать, что у этого проницательного, претенциозного и надменного, но счастливого и довольного хитреца будет такое печальное прошлое...

Линь Янь встречал немало осужденных чиновников, и большинство из них в конце концов становились слишком осторожными, доходя до трусости, или патетически озлобленными. Редко кто из них продолжал расцветать как яркая личность. Была ли она упорной от природы или врожденно бессердечной?

На самом деле, бессердечие - это тоже хорошо, подумал Линь Янь, вспоминая Цуй Нин. Если бы она тоже... Линь Янь закрыл глаза.

Забудьте об этом, у каждого своя судьба.

.

.

Фрикадельки из креветок

Фрикадельки из говядины